

Аркадий Яковлевич, насколько мне известно, вы начали писать, уже будучи зрелым человеком?

Я проработал восемь лет инженером, а параллельно писал юмористические рассказы, они печатались в разных газетах и журналах. Делал я и сценарии телевизионных программ, «Голубые огоньки». В какой-то момент мне стало интересно: это самодеятельность или мне стоит профессионально заниматься писанием? Поступать на литературную учебу я не собирался, тем более что жил в Харькове, был женат, растил сына, а круто менять жизнь - дело непростое. Так что я просто отправил на творческий конкурс в литературный институт и во ВГИК одинаковый набор своих рассказов. Ответа ждал не без трепета. И вот получил его от одного очень известного писателя. Сводился ответ к тому, что я советской литературе совершенно не нужен. Но из ВГИКа пришло сообщение, что я необходим советскому кинематографу и допускаюсь к творческому конкурсу, а затем к экзаменам. Так что я спрятал письмо из литинститута и всем показывал письмо из ВГИКа. Хвастался! Если бы из обоих институтов сообщили, что я не нужен, я бы вообще бросил писать, пошел в аспирантуру и продолжал бы заниматься инженерным делом. Но эта бумажка попала на глаза моему другу, коллеге и соавтору Валерию Харченко. В отличие от меня он был человек целеустремленный, холостой и бездетный. Он-то как раз собирался ехать в Москву поступать во ВГИК на режиссерский факультет. Ему тоже сообщили, что он допущен к экзаменам. Вот он и взял меня за шкуру, уволок в Москву. Я лениво последовал за ним, но экзамены сдал. Если бы с первого раза не сдал, никогда бы не стал поступать снова. В общем, нам фортуна улыбнулась, я окончил институт и перебрался в Москву.

ВГИК многое вам дал?

Ну а как же! Обучил ремеслу. Я сам уже который год преподаю, выпускаю сценаристов. Я им всегда говорю, что научить писанию невозможно, а ремеслу - да. Я не очень знаю, чему учат в литинституте, потому что не учился там. Наверно, тоже обучают какой-то технологии, различной для романов, рассказов и повестей - проза безбрежна. А создание сценария ограничено экранным временем и подчиняется особым технологическим законам, которым нас обучали во ВГИКе и которым учим мы. Хотя опять же жизнь показывает, что талантливое произведение может быть создано и вопреки всем законам ремесла. Пять лет жизни в литературной, театральной, киношной атмосфере дает понимание не только творческих, но и житейских принципов работы. Если в кино придет одаренный человек с улицы, его никто не попросит показать диплом, чтобы принять сценарий. Но с улицы сценарий принести труднее, пробиться к режиссерам - труднее, заинтересовать их - труднее. А во ВГИКе в благословенные советские времена уже с первого курса в институт звонили со студии, интересовались, есть ли интересные работы. И студент поневоле втягивался в творческую кухню. Сейчас этого, к сожалению, нет.

В кинематографической среде известен анекдот. Сидит мышьяк в хранилище Госфильмофонда, грызет киноленку и говорит: «А сценарий был лучше». Многие сценаристы жалуются, что режиссеры искажают их замысел. Случалось ли вам обижаться на постановщиков со зто?

Нет. Хотя считается, что сценаристы вечно обижены на варваров-режиссеров. Но разные бывают ситуации. Сколько создано бездарных сценариев, из которых режиссеры делали конфетку! Да, бывает, что и портят хороший сценарий. Бывает, что режиссер режет по живому, и автору от этого больно. Но это не правило. Так что не верьте тем, кто всегда обвиняет режиссеров. Главное - конечный результат. У меня были сценарии, которые экранизировались дословно, с полным соответствием написанному, а получились серенькие картины. Но иногда режиссер перелопачивал сценарий, даже ставил с ног на голову, и получалась, на мой взгляд, достойная работа. Кино - искусство коллективное не только в техническом смысле, но и в творческом, поэтому многие мои сценарии изначально делались совместными усилиями автора и постановщика.

Как вы ищете сюжеты?

Прежде всего я думаю о том, интересны ли они будут женщинам. Не из лирических соображений, а из абсолютной прагматической: женщины составляют три четверти, а то и пять шестых любого кинозала. Или театрального. Или зала консерватории, филармонии.

Почему?

Ну как почему? Женщины - более тонкие, более духовно организованные натуры, их больше тянет к прекрасному. Часто

они не верят, что жизнь - такая, какая она есть. Им хочется сказки. Вот эти сказки я всю жизнь и пишу. И даже написал книгу о женщинах под названием «Все о ней». Это женская юмористическая энциклопедия - 92 эссе!

Как же вам удается почувствовать, что именно нравится женщинам?

А вот это мне не всегда удается. Начинается с того, что я сижу и думаю: вот эта история будет интересна женщинам или нет? Но никто не застрахован от ошибок. Однако некоторые мои картины в былые

револю записку в стихах, примерно такого содержания: «Наташа, ведь все в фильме - моя жизнь. Как вам удалось ее подсмотреть?» Я до сих пор удивляюсь, что она увидела сходство между своей жизнью и моей сказкой. Но есть такой фантастический феномен зрительского восприятия, когда он все примеряет на себя. Это свойственно искусству вообще.

Вам коллеги когда-нибудь говорили, что сделанное вами несерьезно, что в кино нужны прежде всего не сказки, а проблемы?

любопытное». Потому что, если будешь называть свои работы ерундой, все и будет о них так думать». Но он меня все же не научил вести себя «правильно».

Вы много говорили о женщинах как о зрительницах. Ну а в личном плане каковы ваши требования к ним?

Да нет у меня к ним никаких требований! Мне нравятся все женщины. Блондинки, брюнетки, рыжие...

Значит, вы влюбчивы?

Не значит. Просто мне нравятся все женщины мира.

Аркадий Инин - известный кинодраматург, публицист, сатирик. Автор тридцати кинокомедий, пятнадцати книг, двухсот теле- и радиопередач. Во многих газетах и журналах, в том числе и в «Московской среде», публикуются его юмористические рассказы и фельетоны. Фильмы, созданные по его сценариям, имеют успех у самой широкой зрительской аудитории. Среди наиболее популярных кинокартин Аркадия Инина - «Однажды 20 лет спустя», «По улице комод водили», «У матросов нет вопросов», «Одиноким предоставляется общежитие», «Единожды солгав», «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-бич опять идут дожди», «Частный детектив, или Операция «Кооперация»... На кинофестивале «Детектив» Инин получил приз за лучший сценарий (фильм «Тонкая штука»).

Сам он говорит, что пишет «сказки для взрослых». Нередко в основе его сюжетов лежат реальные истории. Но, отталкиваясь от правды жизни, порой горькой, Аркадий Инин чаще всего создает лирическую историю, герои которой люди симпатичные и забавные. Порой его называют «главный оптимист советского кино».

ФОТО ЛАРИСЫ КАМЫШЕВОЙ

Аркадий ИНИН:

ТЕЛЕСЕРИАЛЫ - ЭТО ПРОКЛАДКА ДЛЯ РЕКЛАМЫ

годы собирали по 30-40 миллионов зрителей. Это те, в которых я угадал интересное для женщин.

Но все-таки как вы это «интересное» находите? Раньше писатели ездили по предприятиям, встречались с людьми. Я помню, как Григорий Горин на одном заводе листал дневник заводской жизни и с восторгом выписывал забавные места.

Все это и я помню. Но так как я пишу рождественские сказки, у меня не было особой нужды ездить по предприятиям. Хотя и были встречи, которые давали импульс для работы. С чего начался фильм «Однажды 20 лет спустя» про маму-героиню, которую играла Наталья Гундарева (эта картина как раз и собрала в свое время 40-50 миллионов зрителей)? В «Литературной газете» было опубликовано письмо матери-героини из Подмосквы, кажется, из Солнцева. Очень резкое письмо, совсем не смешное - о том, как тяжела жизнь матерей-героинь, как им на бумаге многое обещают, а в действительности мало что дают. Я узнал в редакции телефон этой женщины, позвонил ей, она сказала, что если и снимать на эту тему кино, так только «Фитиль». Тогда я и начал писать историю, которая стала основой фильма, соединяя и рассказанные мне сюжеты, и сочиненные мною с потолка.

Вы получаете письма от зрителей?

Редко. Сценаристам ведь не пишут. Со зрителями я чаще общался на выступлениях. Запомнил одну женщину из Липецка, по профессии каландровщица. От слова «каландра» - это такой огромный аппарат в химическом производстве. Много часов подряд человек проводит в тяжелом и очень вредном цехе. Последнее время не работала, потому что у нее 10 или даже 11 детей. Так вот после премьеры картины «Однажды 20 лет спустя» она прислала Наталье Гунда-

Не-е-т, они мне никогда ничего такого не говорили - у нас это не принято. Они меня просто тихо презирали.

А как вы это ощущали?

Меня, например, никогда не сажали в президиумы - там кроме признанных мэтров сидели кинематографисты, делающие картины о производстве, пишущие серьезные драматические истории. Да разве только ко мне так относились! Ведь Леонид Гайдай, великий Гайдай, как сейчас уже выяснилось, был очень обделен общественным вниманием. А зрители любили его. Да все мы до определенного момента - существа второго сорта. Меня это абсолютно не угнетало, я человек совершенно не тщеславный, что нехорошо для творческих людей. Однако я очень трезво себя оцениваю. Мне даже смешно, когда меня называют писателем. Я литератор - и не более. Хотя высокой планки можно достичь, только если перед собой ставить ее. Раньше мне ежедневно звонили с киностудий, спрашивали, есть ли сценарий. Сейчас спрашивают только, есть ли деньги. Если есть, говорят: «Тогда давай ставить фильм». Этот вопрос задают всем. Причем не интересуются, какой сценарий драматург им предложит. Телефонную книгу готовы экранизировать! Конечно, среди тех, кто спрашивает про деньги, есть и настоящие художники. Мой друг, замечательный сценарист Александр Червинский (он сейчас живет в Америке) лез на стенку, когда я отвечал: «Да, что-то у меня есть. Написал недавно одну ерунду. Почитай, посмотри». А я не то чтобы самоуничижался - просто действительно так думал. Червинский-то говорил так: «Сегодня закончил потрясающую, гениальную историю». Не знаю, меняло ли это что-либо в отношении к нему, но у меня язык не поворачивался так говорить. Сажа советова! «Ну хотя бы выучи формулу: «Да, есть у меня кое-что

А ваша жена?

Она мне тоже, естественно, нравится. Мы с ней прожили 43 года.

Как ее зовут?

Разумеется, Инна.

Является ли она вашим первым читателем, зрителем?

Не является. Никогда в жизни я не давал ей первой читать сценарии, рассказы. Я ее либо приглашаю на премьеру, либо дарю ей готовую книгу. А рассказы она читает, когда они уже опубликованы в журнале, в газете. У меня в этом смысле атипичная ситуация, потому что большинство творческих людей нуждается в некоей проверке своих произведений. И вот они вас мучают, хватают за пуговицу, читают стихи на каждом углу, на каждом шагу. Ну а мне неловко отвлекать людей своей ерундой. Я это говорю совершенно искренне. Во-вторых, у меня нет потребности услышать: «Замечательно!» А говорят-то в основном это. Многие и видят в выражении восторгов смысл своих посиделок. Уже потом редактор и режиссер скажут, что ты написал муру собачьему. Короче говоря, я никогда этим не занимался, но в этом смысле я белая ворона среди литераторов, у которых жены - первые читательницы и даже редакторши.

А как вы себя ведете, когда соберетесь по перу хватать вас за пуговицу?

Я сразу говорю, что это гениально. После премьеры наношу режиссеру поцелуй Иуды и говорю ему, что все потрясающе, независимо от того, что на самом деле думаю. Это со мной впервые случилось больше сорока лет назад после премьеры в театре «Современник» пьесы молодого тогда Василия Аксенова «Всегда в продаже». Я тогда еще жил в Харькове и был безумный театроман. Обожал театр, срылся в Москву на премьеры и с Васей Аксеновым был

знаком. Мне, студенту, билеты были не по карману, да и достать их в «Современник» было невозможно. Студенты заводили дружбу с гардеробщицами, с билеттершами, они нас проводили в зал. Поэтому раздвинулся я за кулисами. И мне, помню, страшно не понравилась история в пьесе «Всегда в продаже». Сегодня думаю, что, наверно, спектакль был замечательный. Но я был романтик, молодой, горячий, и думал: «Только бы не встретиться с Васей! Он ведь тоже где-то за кулисами. А я же честный. Я же все скажу». Пробирюсь бочком-бочком к служебному входу - и по закону зловредности, конечно же, навстречу идет Вася Аксенов. Встреча неизбежна. И вот я обнимаю его, целую и говорю: «Вася, это потрясающе!» С тех пор я понял, что такие слова при встрече с автором - нечто сильнее меня. И стараюсь либо, как Подколесин, выпрыгнуть из окна, если говорить хорошо совсем невыносимо, либо, независимо от впечатления, распахивать объятия и говорить: «Это потрясающе».

Сейчас вы что-нибудь пишете?

Пишу все время, но ничего не ставят. Уже больше трех лет. Последний мой фильм - детектив «Тонкая штука». Вышли сериалы, но я понимаю, что за сериалами уследить трудно.

Вы говорите: «Благословенные советские времена». Про наши времена кто-нибудь из тех, чья молодость на них пришла, так сможет сказать?

Конечно. Мои дети. Младшему сыну 24 года, так он заявляет, что мы старые дураки, и что сегодня - прекрасное, свободное время. Ну а я считаю, что нет времен хороших и плохих. Все индивидуально и сравнительно. Советская власть была кошмаром, ужасом. Сегодняшняя демократическая, или как ее там, власть - тоже кошмар, ужас. А дальше возникает сравнение. Для меня ужас советской власти гораздо предпочтительнее, чем ужас сегодняшней.

Как комедиограф вы можете подметить в этой жизни нечто, над чем можно смеяться?

Смеяться можно над всем. Порой поражают: «А над концлагерем?» Так вот в известной замечательной итальянской картине «Жизнь прекрасна», которая получила Оскара, очень много смешного рассказывается про концлагерь.

Но там смех с болью. А так, чтобы просто повеселить?

Нет, мне, как дворовому мальчику из стихотворения Пушкина, и больно, и смешно. Мне сегодня больно и смешно от всех этих потуг рыночной экономики, они трагичны и смешны. В творчестве смешно надвигание щек. Никто же не скажет: «Мы запускаем фильм». Нет - «проект!» Но за этим словом ничего не стоит. Порой убожество какое-то. А проектом можно быть занятым до поры до времени. Потом должен получиться фильм. Но проект - это звучит модно. Мы в Доме кино делаем кинокапустники. Там у нас представлены депутаты. Это же просто паноптикум! Как авторы капустников мы благодарны всяким там Жириновским, Шандыбиным - абсолютно комедийным персонажам, но для государства, для народа - это слезы. Хотя для юмористов - хлеб. Так же, как и кошмар рекламы. С одной стороны, кошмар - потому что кошмар, а с другой - вся страна веселится. По поводу прокладок, пива с пьющими его толстяками... Поводов для смеха сейчас больше, но раньше он был иной. Юмор все же был более интеллектуальный, строящийся на подтексте, на намеках. А сегодня - какой подтекст, какие аллюзии? Это бессмысленно, потому что в печати в открытую говорится, кто вор, кто жулик, кто сволочь. Так что дело не в том, что юмористы стали бездарными. Раньше намеки, что речь идет о Брежневе - и уже народ счастлив. Сегодня скажи, что Ельцин был пьяницей - ну и что, кто ж этого не знает? Вот юмор и перемещается ниже, уходит ниже пояса.

Правы режиссеры, говоря, что нет сейчас хороших сценариев?

Да, со сценариями беда. Потому что старая сценарная гвардия уходит естественным путем, новая не может писать человеческие сценарии, потому что они не востребованы, а тогда что писать-то? И они окунаются в «серийное движение». Теперь молодые, слава богу, не без работы, а вернее, не слава богу, потому что, как только они попадают в серийное движение, то в творческом смысле уродуются раз и навсегда. Писание сериалов - тоже профессия, но к искусству, к творчеству не имеет отношения. Этот фордровский конвейер сродни производству автомобилей. Я не возмущаюсь этим, не восхизаюсь - я отмечая правду жизни. Как сказал один умный продюсер, сериал - это прокладка для рекламы.

Беседу вела
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ